

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ ПЕРФИРЬЕВЫХ (ИЗ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ СЛУЖИЛОЙ ДИНАСТИИ XVII ВЕКА)

Статья посвящена представителям третьего поколения сибирской (енисейско-иркутской) служилой династии Перфирьевых, которые достаточно быстро, еще в молодом возрасте, за заслуги отца и деда, достигали чинов сынов боярских. В статье делается попытка собрать воедино разбросанный по разным архивам и фондам материал, касающийся представителей этого семейства.

Ключевые слова: Сибирь, служилые люди, приказчик, должностные обязанности, государево жалованье.

Историками давно было отмечено, что в Сибири в течение XVII в. происходило формирование целых служилых династий, в том числе династий так называемой «служилой аристократии», когда определенный командный чин в гарнизоне оставался в рамках одной семьи несколько десятилетий, переходя от отца к сыну [Никитин, 1988. С. 50].

Одной из таких служилых династий была династия Перфирьевых, представители которой несли службу сначала по Енисейску, затем по Иркутску. Ранее нами были опубликованы материалы об основателе этой династии енисейском служилом человеке Максиме Перфирьеве, получившем известность в результате успешных походов во главе отрядов енисейских служилых людей по Ангаре и Витиму [Бродников, 2003] и его сыне Иване Перфирьеве, который в течение длительного времени (половину столетия) занимал должности приказчиков в разных острогах Приангарья и Забайкалья, периодически возглавляя дипломатические миссии к монгольским правителям [Бродников, 2005]. Обращает на себя внимание, что И. М. Перфирьев шагнул по служебной лестнице из рядовых казаков сразу в дети боярские в 1656 г., в год последнего известно-

го нам упоминания в документальных источниках имени его отца, Максима [Кузнецов, 1863. С. 53], дослужившегося до этого чина только к 1652 г. [СДИБ, 1960. С. 205. № 60].

Пока Иван Максимович Перфирьев управлял различными острогами и прилегающими к ним территориями по Ангаре и в Забайкалье, в Енисейске подрастали три его сына – Иван, Василий и Астафий. Так же как у отца и деда, время их рождения не известно. Возможные, весьма приблизительные, рамки – конец 40-х – середина 60-х гг. XVII в.

В 1687 г. Иван Максимович, будучи уже немолодым человеком, пытаясь уйти в отставку, подал челобитную окольничему Ф. А. Головину, находившемуся в Иркутске проездом в Забайкалье для урегулирования отношений с маньчжурским Китаем (в результате его усилий в 1689 г. был заключен Нерчинский мирный договор). Хорошо известный не только в Сибири, но и в Москве, престарелый сын боярский И. Перфирьев кратко перечислил свои назначения за тридцать семь лет службы и просил отпустить его в отставку, так как «ныне де он состарился и стал увечен и глух и безпамятен и

¹ ГПНТБ СО РАН. Тих. ДП. XXVI. 15.

службы служить не может»². За свои многолетние заслуги он просил оклад его денежного и соляного жалованья (20 рублей деньгами и 5 пудов соли, что было весьма высоким жалованьем) разделить между сыновьями Иваном, Василием и Астафием.

Надо полагать, что сыновья упомянуты в документе в порядке старшинства. На это указывает и размер доставшейся им от отца «прибавки» к государеву жалованью: Иван получил 7 рублей и 1,75 пуда соли; Василий – 7 рублей и 2,5 пуда соли; Астафий – 6 рублей и 0,75 пуда соли. После этого раздела размер окладов у первых двух стал по 15 рублей и 4 пуда соли, у последнего – 13 рублей и 2,25 пуда соли. Братья служили с пашни, т. е. не получая хлебного жалованья; все они в это время уже находились в чине детей боярских. При этом Иван нес службу по Енисейску, а Василий и Астафий – по Иркутску³. Приписка младших Перфирьевых к разным гарнизонам при разделе оклада особой роли не играла, так как Енисейский и Иркутский уезды входили в состав Енисейского разряда.

Меньше всего сведений у нас имеется о старшем из братьев, Иване Ивановиче. В научной литературе о нем встречается лишь единичное упоминание: в 1684 г. сын боярский Иван Иванович Перфирьев был отправлен в деревню Усть-Кемь (в 8 верстах от Енисейска) для ведения переговоров с взбунтовавшимися казаками даурского полка [Леонтьева, 1973. С. 100]. Причиной волнения новоприборных служилых людей была продовольственная проблема, которую местная администрация, как тобольская, так и енисейская, не смогла решить полностью, в результате чего даурские казаки по пути своего следования к месту службы стали грабить зажиточную часть населения [Артемьев, 1999. С. 52].

Первое известное нам упоминание о среднем из братьев, Василии Ивановиче, как о енисейском сыне боярском относится к тому же 1684 г. По указу из Москвы енисейский воевода князь Константин Осипович Щербатов проводил опрос «разных чинов» енисейских людей, бывавших в забайкальских острогах, о возможности и целесообразности перевода селенгинского гарнизона и приказчика в Удинский острог. Среди рас-

спрошенных был и сын боярский В. Перфирьев, предоставивший енисейскому воеводе, надо полагать, весьма ценные сведения. По его мнению, Удинский острог был расположен в достаточно укрепленном и безопасном месте: «стоит в большой крепости, меж Селенгою и Удою реками, в борovém лесном месте», а степи к острогу «подошли узкие», что способствует заселению крестьян вокруг острога и их безопасности. Что касается Селенгинского острога, то его расположение создает серьезные проблемы его жителям: он «стоит на край степи по край Мугалской земли». По мнению Василия, гарнизон Удинского острога желательно увеличить, а численность служилых людей в Селенгинске сокращать никак нельзя – острог пограничный, в случае сокращения служилых людей возможны нападения на острог со стороны монголов [ДАИ, 1869. С. 117. № 34].

По всей видимости, к 1684 г. у Василия Перфирьева уже был немалый срок службы и соответствующий опыт, так как вскоре, во второй половине 1670-х гг. он возглавлял посольство к монгольскому владельцу Геген-Кутухте⁴.

Скорее всего, это событие произошло в конце 1686 – 1687 г., когда в Селенгинском остроге приказчиком был И. Я. Коровин. В сохранившихся листах наказной памяти (начало отсутствует), полученной В. Перфирьевым при отправлении в Монголию, ему ставится ряд задач.

- Решить тактическую проблему: с помощью Геген-Кутухты предполагалось вернуть селенгинским жителям угнанный у них монгольскими тайшами незадолго до отправления посольства скот. Мало того, ориентируясь на влияние Геген-Кутухты на монгольскую знать, русское правительство рассчитывало с его помощью добиться установления стабильных мирных отношений на границе монгольских владений, что было весьма важным накануне готовящихся переговоров посольства Ф. А. Головина с китайской стороной.

- Добиться от монгольского правителя заключения мирного соглашения и развития торговых отношений, «чтоб он, мунгальской Геген-Кутухта посылал от себя торговых своих людей в сторону царского величества со всякими торговыми и, одно-

² ГПНТБ СО РАН. Тих. ДП. XXVI. 15.

³ Там же.

⁴ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 10.

временно, поехавшим с Василием Перфирьевым из Селенгинска русским торговым людям в монгольских землях «по вольному торгу дати», а также способствовал торговле русских людей в землях других монгольских владельцев.

- Обязательным пунктом в наказах послам того времени, направляемых в монгольские земли, был сбор сведений о Китае. Василий Перфирьев получил конкретное задание – выяснить намерения маньчжуров в отношении русских владений: не ведется ли с их стороны подготовка к нападению на русские города и остроги, и какие силы китайского богдыхана в Даурской земле на границе стоят. Кроме того, русскому правительству было известно о состоявшемся в августе 1686 г. съезде монгольских ханов и владельцев. На посольство возлагалась задача выяснить, «какая у них меж собой была дума... и о каком деле что придумали, и какое в чем намерение положили». За выяснение задачи и результатов этого съезда В. Перфирьеву было обещано особое вознаграждение – «выдано будет ис казны великих государей».

- Разумеется, требовалось подробно письменно фиксировать весь ход переговоров с Геген-Кутухтой и все полученные из разных источников сведения.

Отдельно в наказе идет пункт о бдительности – быть «с караулы денно и ночью». Для этой цели в Селенгинске под начало Василия Ивановича были переданы десять человек служилых людей, роспись которых приведена в конце наказа. А «для письма» из Селенгинска же отправлен с посольством В. Перфирьева приказной избы подьячий Федор Удачин.

Мы не знаем о результате посольства Василия Перфирьева. Можно только сказать, что накануне заключения Нерчинского договора с Китаем в 1689 г., когда дружественное или хотя бы нейтральное отношение монгольских правителей к русской администрации в Забайкалье было крайне важно, деятельности енисейского сына боярского в Монголии отводилась немаловажная роль.

Вероятно, после этой поездки В. Перфирьев получает назначение приказчиком в Ильинскую слободу под Селенгинском. Во всяком случае, в январе 1688 г., когда в Селенгинском остроге монголами было осаждено посольство окольного Ф. А. Головина (именно так официально называлась его

миссия, и сам он имел статус посла с чрезвычайными полномочиями, в отличие от глав уездных администраций, являвшихся просто воеводами), сын боярский В. Перфирьев обращался к иркутскому воеводе А. Синявину с просьбой о присылке в слободу пороха и свинца [СДИБ, 1960. С. 308. № 104]. Иркутский воевода выполняет просьбу В. Перфирьева: 1 февраля в Ильинскую слободу с селенгинским казаком Иваном Новиковым было отправлено 6 пудов 30 фунтов пороху и 4 пуда 5 фунтов свинца [Там же. С. 316–317. № 110; С. 318. № 111].

Но через несколько недель, в феврале 1688 г., из Ильинской же слободы полковник Ф. И. Скрипицкий затребовал у иркутского воеводы помощь не только боеприпасами, но и людьми [Там же. С. 310–312. № 106]. А. Синявин начал предпринимать срочные меры: в Ильинскую слободу им были отправлены практически все служилые люди, вернувшиеся к тому времени в Иркутск из разных поездок, а вместе с ними и некоторое количество торговых и промышленных людей и пашенных крестьян. Всего ему удалось отправить в Ильинскую слободу 115 человек, снабдив их запасом хлеба, свинца и пороха [Там же. С. 313. № 108; С. 317. № 110]. Однако было очевидно, что такими силами не удастся успешно противостоять нескольким тысячам монголов, и полковник Ф. Скрипицын решает привлечь к военным действиям приангарских бурят. А. Синявин отправляет на реки Китой и Белую толмача и казака с указом привести в Иркутск 150 вооруженных бурят, одновременно он отправляет соответствующее распоряжение и приказчикам Балаганского и Верхоленского острогов [Там же. С. 312–313. № 107; С. 314–315. № 109].

Надо полагать, что Василий Перфирьев играл в организации помощи Селенгинскому острогу далеко не последнюю роль. Вероятно поэтому вскоре его ждало более ответственное назначение: в том же 1688 г. воевода окольный Федор Алексеевич Головин назначил В. Перфирьева приказчиком в Кудинскую волость Иркутского уезда (наказ воеводы на восьми листах датирован 18 мая 1688 г.⁵ Здесь он именуется уже иркутским сыном боярским. Василий Иванович меняет в Кудинской волости письмен-

⁵ РГАДА. Ф. 204. Оп.1. Ед. хр. 9.

ного голову Алексея Горчакова, который в 1685 г. принял Иркутский острог у его отца, Ивана Максимовича Перфирьева.

В состав Кудинской волости в то время входили Кудинская, Красная, Урицкая и Талькинская слободы, Карлуцкая и Хомутова деревни. Приказчик получил право давать суд в имущественных делах до сорока рублей. А в случае тяжб на большую сумму – проводить розыск и присылать их участников в полк к воеводе Ф. А. Головину.

В. Перфирьев должен был следить, чтобы крестьяне пахали соответствующий размер десятинной пашни: 80 × 40 сажень трехаршинных в трех полях «на добрых землях... без целизен и без недопашки... чтоб в хлебе изрони не было», чтобы у холостых крестьян было не менее двух десятин на себя в повесе. Регламентация заставляла приказчика контролировать весь ход сельскохозяйственных работ: «у посеву и у молотбы быть... безотступно и наряжать крестьян на всякое зделье вовремя», солому – «продавать, а даром не истерять». И, конечно же, вести борьбу с мотовством и азартными играми (зернью и картами) среди подчиненных, чтобы «никакова пашенного заводу не истеряли и не проворовали».

Присылаемых для устройства в пашню ссыльных крестьян также следовало контролировать: не желающих добросовестно нести государево тягло, тех, кто не будет «строится и работать, а пьянствовать или играть (в азартные игры)», следовало выводить на пашню и при всех крестьянах чинить им наказание – «бить кнутом и батоги, смотря по вине, чтоб впредь им так воровать было неповадно».

Сыск беглых и задержка всех подозрительных лиц, следующих через Кудинскую волость без проезжих памятей и ярлыков, – еще одна обязанность сына боярского. Обо всех задержанных также сообщать в полк Ф. А. Головину.

Как и все сибирские администраторы разного ранга, В. Перфирьев должен был вести борьбу с незаконным винокурением, а с того, что разрешено – сваренных для праздников пива и браги – брать установленный налог: с чети пива – по два алтына, с пуда браги – по две деньги. На «иноземцев» (т. е. бурятское население) это положение не распространялось: им разрешалось приготовление своих традиционных напитков – вина и кумыса, но продавать или просто

угощать «по дружбе» русских людей им запрещалось: чтобы «православных крестьян не сквернили». В случае выявленных нарушений приказчику предписывалось все случаи нарушений предавать огласке, а произведенное вино и посуду конфисковывать.

В июле 1689 г. Василий Перфирьев вместе с отцом Иваном Максимовичем упоминается среди лиц, присутствовавших в Иркутске на Посольском дворе при встрече воеводой Леонтием Константиновичем Кислянским делегации от калмыцкого тайши Бушухты-хана и монгольских тайшей. Причем В. Перфирьев не просто присутствует на этой встрече, а играет одну из основных ролей: он в сенях у дверей встречает посланцев «для почести», о чем говорит им через толмача, и ведет их в Посольскую избу⁶.

В 1690 г. (а может быть, и в 1689 г.) В. Перфирьев назначается приказчиком Идинского острога. А весной 1691 г. он отправляет в Иркутск с казачьим десятником Прокопием Черниговским и двумя казаками собранную с ясачных бурят пушнину: 214 соболей и 57 лисиц [СДИБ, 1960. С. 411. № 142].

Следующее известное нам назначение В. Перфирьева относится к августу 1692 г.: иркутские воеводы стольники князя Иван Петрович и Матвей Петрович Гагарины велели Василию Ивановичу Перфирьеву принять под свое начало отдаленный Балаганский острог⁷. В. Перфирьеву надлежало сменить прежнего приказчика иркутского же сына боярского Евдокима Курдюкова. В наказе подробно перечисляется, что он должен принять у своего предшественника: все имущество и припасы, собранную соболиную казну и документацию, как текущую, так и ранее присланные в острог наказы и памяти.

После приемки дел новому приказчику требовалось провести учет личного состава – «служилых людей по именным книгам пересмотреть всех на лицо». Прежнего приказчика велено не отпускать, пока не будет произведен пересчет всего имущества. Если выявится недостача – покрыть ее за счет Е. Курдюкова.

Прописанная в наказе процедура вступления в должность подобна воеводской –

⁶ СПбф ИРИ РАН. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 6–9.

⁷ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 12.

собрать к судной избе служилых людей и ясачных «иноземцев» и сказать им государево милостивое слово. Если будут жалобы на прежнего приказчика – взять с жалобщиков челобитные и отправить их в Иркутск к воеводам Гагариным.

Особое внимание обращается на жалованное слово для ясачных, что занимает в тексте наказа более листа ⁸.

Несмотря на то, что Балаганский острог находился на Ангаре и, вроде бы, являлся тыловым, тем не менее, опасность нападения на него сохранялась: близкая степь позволяла кочевникам достаточно быстро подходить к острогу. Поэтому в наказе содержится пункт о поддержании бдительности – «в остроге жить с великим бережением неоплошно и караулов велеть быть днем и ночью». При этом рекомендуется отправлять регулярно служилых людей в направлении возможной опасности для сбора информации.

Подробно описываются механизм сбора ясака и отношения с ясачным населением при этом. Один из определяющих моментов при сборе ясака традиционный для Сибири XVII столетия – чтобы служилые люди ясачным никакого утеснения «не чинили» и ясаком «не корыстовались». За исправно выплаченный ясак «иноземцам» предполагалось поощрение – давать великих государей жалованье – сукно. Если же будут к Балаганскому острогу приезжать неясачные князцы и шуленги, призывать их в ясачный платеж и делать это «ласкою и приветом». При этом на приказчика возлагалась защита ясачного населения, их промысловых угодий, от конкурентов – промышленных людей из Балаганского и Иркутского острогов в урочища, где промышляют ясачные, не пропускать, чтобы в ясачном сборе недобору не было.

Как приказчик, Василий Перфирьев получал право вершить суд и расправу меж всяких чинов людьми и между «иноземцами» по имущественным спорам на сумму до пятидесяти рублей.

Отдельной строкой оговаривается запрет на винокурение. Приказчик должен удерживать подвластное ему население от пьянства, карт и зерни. В том случае, если кто сварит пиво или брагу для своих нужд («на родины, или на крестины, или на имянины,

или на поминки, или на свадьбу»), то должен платить в казну явчих пошлин «с пива с чети по четыре денги, а з браги с пуду по две денги». За драку бить батоги. А в случае убийства проводить сыск и сообщать в Иркутск.

Скончался Василий Перфирьев в 1695 г., о чем имеется запись в иркутской именной окладной книге 1699/1700 г. [Первое столетие Иркутска, 1902. С. 19].

Первое известное нам упоминание о младшем из братьев Перфирьевых, Астафий Ивановиче, относится к 1680 г. В том году Астафий Перфирьев был послан в составе отряда енисейских казаков в поход в киргизские степи ⁹. К концу 1670-х гг. отношения с енисейскими киргизами обострились до крайности: в 1678 г. наиболее воинственный и сильный из киргизских князей Ереняк дважды опустошал окрестности Красноярска. В качестве ответных действий 11 января 1680 г. сибирской администрацией был организован грандиозный по своей численности поход в киргизские степи. В нем принимали участие более тысячи человек служилых людей из Томска, Кузнецка, Красноярска и Енисейска и их союзников – чатских мурз, томских татар и выезджих белых калмыков (телеутов). Енисейский отряд численностью в 108 человек, среди которых был и рядовой казак Астафий Перфирьев, возглавлял приказной человек Кузьма Девятковский.

За время этого зимнего похода произошло несколько столкновений с киргизами и их союзниками. Не известно, при каких обстоятельствах, но в одном из боев Астафий получил ранение – «на той службе изранен»¹⁰.

Двадцать первого мая 1684 г. А. Перфирьев выполняет важное поручение иркутского воеводы Л. К. Кислянского. Он в качестве посланца воеводы, в присутствии подьячего и толмача, встречает в сенях полевой избы посланца монгольского правителя Очирой Саин-хана ¹¹.

Летом 1684 г. енисейский воевода князь Константин Осипович Щербатый отправил Астафия в Нерчинский и Албазинский ост-

⁹ ГПНТБ СО РАН. Тих. ДП. XXVI. 8. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Любопытно, что в одном документе А. Перфирьев именуется на разных страницах то иркутским дворянином, то енисейским сыном боярским [СДИБ, 1960. С. 274–276, 281. № 85].

⁸ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 6–7.

роги в качестве провожатого «за казною» (с оружием, порохом и свинцом) с небольшим отрядом енисейских казаков¹². Прибыв в Удинский острог на судах 19 сентября, на следующий день он решил написать письмо своему отцу, Ивану Максимовичу, бывшему в то время приказчиком в Баргузинском остроге¹³. Среди подчиненных у Астафия Перфирьева в этом походе были не только казаки, но и дети боярские: из Удинска 20-го же сентября он послал в Нерчинск сына боярского Бориса Кулаковского и двух казаков для организации нерчинским воеводой встречи и помощи его отряду – «для подвод и для вестей... для поспешанья казне»¹⁴.

Отправка «воинской казны» в Забайкалье не была случайной: отношения с Китаем обострились до предела и уже перешли в стадию военных действий. Доставленное осенью 1684 г. оружие оказалось весьма кстати, так как в мае 1685 г. началась осада Албазинского острога маньчжурскими войсками [История Дальнего Востока..., 1991. С. 80]. Осенью 1687 г. Астафий был назначен приказчиком Тункинского острожка, находившегося на среднем течении р. Иркут. Этот небольшой острожек играл важную стратегическую роль, прикрывая со стороны Монголии не только Иркутск, но и все Верхнее Приангарье [СДИБ, 1960. С. 298. № 93]. Уже в начале декабря 1687 г. А. Перфирьев информировал иркутского воеводу Алексея Синявина о возможном нападении на бурят ангарского левобережья войска монгольского владельца Геген-Кутухты, намерениям которого помешало обилие снега в горах в верховьях р. Оки [Там же. С. 302–303. № 96, 97, 98].

На этой должности он оставался, по крайней мере, до марта 1688 г. и ему удалось собрать ясак с «немирных» тувинцев, которые в Иркутском уезде назывались соетами¹⁵. Двадцатью годами ранее его отец Иван Перфирьев, будучи приказчиком Иркутского острога, пытался вернуть соетов в ясачный платеж вместе с несколькими другими родовыми группами отложившихся «инородцев», но неудачно. Часть соетов вернулась в русское подданство добровольно в 1676 г., но только Астафию удалось

взять с них максимальный ясак. В середине марта 1688 г. он отправляет из Тункинского острога в Иркутск монгола, захваченного бурятами у соетов. Монгол сообщил в Иркутске о том, что брат «мугалского царя» Шара Ширея готовит поход пятитысячного войска под Селенгинский острог [СДИБ, 1960. С. 322–323. № 113]. Опасения Астафия были не беспочвенными: возвращавшиеся весной из Иркутска посланцы калмыцкого правителя и торговые бухарцы по причине спешки отклонили предложение приказчика остановиться в Тункинском острожке до выяснения ситуации на дороге. В результате на следующий день они подверглись нападению соетов и монголов: многие были «побиты», остальные ограблены [Там же. С. 341. № 123]. Вскоре А. Перфирьев оставил Тункинский острожек: в мае 1688 г. там был уже другой приказчик – казачий десятник Ерофей Могилев [Там же. С. 324. № 115].

В последующие годы Астафий Перфирьев практически непрерывно выполняет административные функции: в 1689–1690 гг. он служит приказчиком в Верхоленском остроге, в 1691–1692 гг. – в Балаганском, в 1693–1695 гг. – вновь в Верхоленском. Его внимание сосредоточено на сборе ясака с «новиков» – аборигенной молодежи, достигшей возраста ясачного обложения. Это далеко не та прибыль государю, которую приносили его отец Иван и, тем более, дед Максим. Но один из сыновей Астафия впоследствии посчитал возможным упомянуть сбор ясака с подростков как заслугу отца¹⁶. Нам известно, что в мае 1691 г. Астафий отправлял из Балаганского острога в Иркутск казака Василия Москвитина с собранной пушниной [Там же. С. 413. № 145].

В 1695 г. воевода А. Савелов прибавляет к окладу Астафия оклад его умершего брата Василия. С этого времени оклад Астафия достигает невероятно большого для детей боярских размера – 28 рублей деньгами и 6 пудов 10 фунтов соли [Первое столетие Иркутска, 1902. С. 35]. Служили оба брата с пашни без хлебного жалованья [Там же. С. 19, 20].

В 1696 г. А. Перфирьев упоминается приказчиком Селенгинского острога [Там же. С. 102–103]. Одно из известных дел этого времени – сыск по делу о краже пушнины

¹² ГПНТБ СО РАН. Тих. ДП. XXVI. 9.

¹³ РГАДА. Ф. 1105. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 62.

¹⁴ ГПНТБ СО РАН. Тих. ДП. XXVI. 9.

¹⁵ Там же. 8. Л. 2.

¹⁶ Там же.

ссылным человеком Ганкой Безруким, который, будучи в Тобольске в карауле у бухарцев, обворовал их, предварительно зарезав двух служилых людей. За это преступление он был приговорен к казни, но взамен отправлен в Албазинский острог. После того как Албазин захватили маньчжуры, Ганка был поверстан в служилые люди в Селенгинском остроге [СДИБ, 1960. С. 426. № 151].

В 1696 г. Астафий получает самое почетное назначение за все время своей службы – управление Илимском. В Сибирском приказе, на основе многочисленных жалоб всех слоев населения Илимского острога и уезда, принимается решение о смещении воеводы Б. А. Челищева. Десятого июня 1696 г. в Илимск отправляется грамота, в которой опальный воевода предупреждается о назначении на его место иркутского сына боярского Ивана Перфириева или его сына Астафия («а буде он, Иван, умер <или> престарел и за старостью в Ылимску быть <нево>зможно и вместо ево, Ивана, на перемену тебе велено... послать в Ылимской иркутского ж сына боярского сына ево Ивана Остафья Перфириева») ¹⁷. Надо полагать, что первоначально было принято решение об отправке в Илимск И. Перфириева – на его имя из Москвы в Илимск отправляются грамоты, причем продолжается это до 31 августа 1697 г. ¹⁸, хотя реально он в Илимск даже не прибыл, оставаясь все это время в Иркутске [Александров, Покровский, 1991. С. 316–322].

Только с 31 августа из Сибирского приказа начинают отправлять в Илимский острог грамоты на имя Астафия ¹⁹. Последний такой документ датирован 24 ноября 1697 г. ²⁰ В 1697 г. А. Перфириев еще упоминается в окладной книге Иркутска [Первое столетие Иркутска, 1902. С. 35]. По сведениям В. Н. Шерстобоева, А. Перфириев возглавлял Илимский уезд с 2 апреля 1697 г. до лета 1698 г. [1949. С. 128]. Последнее известное нам упоминание об Астафии Перфириеве относится к 1701 г., когда он вместе с другими сибирскими служилыми людьми давал в Сибирском приказе показан

ия по делу бывшего илимского воеводы Б. Челищева [СДИБ, 1960. С. 420–421. № 150].

Согласно тексту челобитной Ивана Максимоновича Перфириева, которую можно датировать 1700 г., к началу XVIII в. проживавшее в Иркутске семейство Перфириевых состояло из нескольких поколений: престарелый отставной сын боярский упоминает «детешек», «внучат» и «правнучат» ²¹. Однако, как мы видели, из «детешек» И. М. Перфириева к этому времени оставался в живых только Астафий. Очень вероятно, что все эти «внучата» и «правнучата» как раз и являлись потомками Астафия.

Подтверждение этой версии можно найти в тексте сохранившейся челобитной еще одного представителя семейства, написанной не ранее 1711 г. ²² К сожалению, документ не имеет начала и конца и имя челобитчика остается неизвестным. Автор ссылается на заслуги своих предков – прадеда Максима, деда Ивана и Астафия (не вызывает сомнения, что это отец челобитчика) – после чего переходит к упоминанию своих заслуг. В 1711 г. в Верхнеангарском и Подкаменном зимовьях произошло столкновение между служилыми людьми и тунгусами. Взбунтовавшиеся тунгусы «побили» иркутских и баргузинских служилых людей и ушли по «сторонным» рекам. Автор челобитной, возглавляя отряд служилых людей, смог найти этих тунгусов и вернуть их в ясачный платеж, захватив при этом аманатов. А самых опасных из них «пущих воров и убойцов» четырех человек доставил в Иркутск. Очень вероятно, что этот представитель семейства Перфириевых сам мог к этому времени состоять в чине сына боярского.

Распространенная практика XVII столетия, когда дети, да и другие младшие родственники служилых людей, претендовали на места (и, соответственно, оклады жалованья) своих выбывших со службы отцов, в чем-то себя вполне оправдывала. В том числе и в семьях так называемой «служилой аристократии». Пример семьи Перфириевых свидетельствует, что ее представители не напрасно претендовали на места своих родственников.

Получая в еще достаточно молодом возрасте чины сынов боярских, они вполне

¹⁷ РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 7; Ч. 6. Л. 25 – 26 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 494. Ч. 6. Л. 85 об.

¹⁹ Там же. Л. 88.

²⁰ Там же. Л. 101.

²¹ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5.

²² ГПНТБ СО РАН. Тих. ДП. XXVI. 8. Л. 2–3.

успешно выполняли возлагаемые на них при этом обязанности, становясь частью аппарата управления. Мы не можем утверждать, что в семьях представителей «служилой аристократии» велась планомерная подготовка детей к выполнению в последующем каких-то управленческих функций, однако пример отцов, других старших родственников должен был формировать некоторые навыки, представления о правильности выбора действий. Во всяком случае очевидно, что в семье Перфирьевых детей учили грамоте. И именно им с определенного возраста приходилось вести домашнее хозяйство по причине постоянных отъездов старших родственников по служебным делам.

Список литературы

Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток, 1999.

Бродников А. А. Иван Максимович Перфирьев (из истории сибирской служилой династии XVII в.) // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XIX века. Тобольск, 2005. С. 151–168.

Бродников А. А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 213–227.

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1869. Т. 11.

История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991.

Кузнецов Д. Архивный документ. Список енисейской окладной книги 1656 г. // Том. губерн. ведомости. 1863. № 12. Отд. 2. Неофиц.

Леонтьева Г. А. Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х гг. XVII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973.

Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988.

Первое столетие Иркутска. СПб., 1902.

СДИБ – Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1.

Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1.

Материал поступил в редколлегию 01.04.2012

A. A. Brodnikov

THE THIRD GENERATION OF PERFIRYEV (FROM THE HISTORY OF THE SIBERIAN SERVICE DYNASTY XVII CENTURY)

The article is devoted to the members of the third generation of the Siberian service dynasty Perfir'yevs, which quite quickly, even at a young age, for the merit of their father and grandfather reached the ranks of the boyars' sons. The article attempts to bring together material scattered in various archives and collections and related to the members of this family.

Keywords: Siberia, service class people, foreman, functions, sovereign's salary.